

Юрий Буйда

Нора Крамер

*Часть сборника
Покидая Аркадию. Книга перемен*

Юрий Буйда
Нора Крамер

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Буйда Ю. В.

Нора Крамер / Ю. В. Буйда — «Эксмо», 2016

Она всегда умела добиваться своего. Если б не умела, то так и осталась бы стриптизершей в «Фениксе», одной из тех провинциалок, которые скоро выходят в тираж и заканчивают свои дни в подземном переходе на Плешке, клянча у прохожих на пиво, или продавщицей на рынке, ужинающей дошираком под паленую водку, или возвращаются в свои городки и деревни, чтобы выращивать свиней, мечтать о более или менее постоянном муже и рассказывать подружкам о Москве, где никогда не кончается горячая вода... Она добилась всего, научилась всему, освоила искусство лицедейства, искусство немоги и даже самое трудное из искусств – великое искусство молчания...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Буйда Ю. В., 2016
© Эксмо, 2016

Юрий Буйда Нора Крамер

Сначала она была Ленкой Ложкиной, потом стала Элли Тавлинской, затем Норой Крамер, и все эти три жизни она прожила беспощадно.

Она многое умела. Умела так приготовить куриную ногу, чтобы ее хватило на три дня. Пить спирт не закусывая. Прятать деньги в заднице. Готовить бейлис из сгущенки с водкой и растворимым кофе. Перелицовывать старую одежду, превращая ее в модные шмотки. Ходить на руках. Маскировать выбитый зуб жевательной резинкой. Терпеть голод и холод. Не плакать, когда хотелось плакать. Бегать на десятисантиметровых каблуках. Брить ноги спичкой. Варить суп из сникерса. Пользоваться кастетом. Потом она научилась танцевать стриптиз. Запоминать тридцать-сорок страниц текста с первого раза. Играть Эсхила, Шекспира и Чехова. Быть матерью, женой и любовницей. Отличать шамбертен от кортона. Говорить по-английски. Повелевать с твердостью и подчиняться с радостью.

Она всегда умела добиваться своего. Если б не умела, то так и осталась бы стриптизершей в «Фениксе», одной из тех провинциалок, которые скоро выходят в тираж и заканчивают свои дни в подземном переходе на Плешке, клянча у прохожих на пиво, или продавщицей на рынке, ужинающей дошираком под паленую водку, или возвращаются в свои городки и деревни, чтобы выращивать свиней, мечтать о более или менее постоянном муже и рассказывать подружкам о Москве, где никогда не кончается горячая вода...

Она добилась всего, научилась всему, освоила искусство лицедейства, искусство немощи и даже самое трудное из искусств – великое искусство молчания...

В детстве ей не нравилось ее имя – Элеонора, но только потому, что оно уже однажды принадлежало великой женщине – Элеоноре Дузе, а делиться Ленка не любила. И в будущем своем величии никогда не сомневалась.

Высокая, тощая, безгрудая, зубастая, с извилистыми ногами и острыми коленками, она считала себя неотразимой. Глядя на костлявую Элеонору, соседи ехидно говорили, что ее мать переспала с велосипедом или пружинным матрасом. Сверстники смеялись над ней: «Какая ты Ложкина! Ты – Вилкина! У тебя всюду зубья! Вилка! Вилка!» Но при этом все признавали, что у Вилки выразительные глаза, яркие, мятежные, и красивый чувственный рот.

Ну и талант, конечно, – с тем, что у Ленки Ложкиной талант, никто и не спорил. У нее был сильный чистый голос, она хорошо рисовала, а когда на школьном вечере читала со сцены отрывки из поэмы Асадова «Галина», зал рыдал и бешено аплодировал, а она смотрела на этих людей с улыбкой, и в душе ее радость мешалась с холодом...

Она записывалась во все кружки, какие только были в школе и доме пионеров, – в кружок книголюбов, рисунка и живописи, фотографии, танцевальный, авиамодельный, самбо, макраме, драматический, – лишь бы поменьше бывать дома.

Ее мать была продавщицей в продуктовом магазине. В городке высокомерную и вспыльчивую Зину Ложкину называли Бензиной. Она пятнала тощую грудь мушками из тафты, носила мини-юбки, яркие клипсы и умопомрачительные прически – высокие башни со свисающими на уши локонами, украшенные гребнями, заколками, цепочками и бантиками.

В выдвижном ящике под прилавком она держала тетрадь в черной обложке, в которую записывала должников. Это было запрещено под страхом уголовного наказания, но Бензина отпускала в долг и сахар, и консервы, и вино: навар того стоил. Ее главными жертвами были пьяницы, набравшие водку «под запись». В конце месяца, когда жены алкашей приходили к Бензине, чтобы рассчитаться с долгами, выяснялось, что их мужья тридцать дней кряду

пили водку ведрами и закусывали дорогой колбасой. «Опять приписала, сука! – кричала разгневанная женщина. – Вот пожалуюсь на тебя прокурору!» «Жалуйся! – кричала в ответ продавщица. – Больше ничего тебе в долг не дам! Ни спичечки!» До прокуратуры дело, конечно, не доходило: отбушевав, женщины расплачивались и снова брали в долг, а Бензина делала в черной тетради соответствующую запись.

Богатства, однако, эти доходы в семью Ложкиных не приносили. Мать спускала все деньги на блузки с блестками, коньяк, пирожные и туфли с невероятными каблуками. По вечерам играла на гитаре и пела хриплым голосом «Тихо над речкою ивы качаются», каждую ночь плакала пьяными слезами на груди очередного мужчины и всегда мечтала о Москве, где могли бы по достоинству оценить ее царские ножки: «Там жизнь – глагол, а тут – одни прилагательные...»

Но однажды в ее жзни появился нищий баянист Сушкин, толстяк с собачьими глазами, который писал стихи, посвященные прекрасной Бензине, и все изменилось. Теперь она пила только с ним, теперь по ночам она плакала только на его груди, теперь она почти не поминала Москву: она нашла свой глагол. По утрам Сушкин ходил по дому в трусах, брал квашеную капусту из тарелки руками и томно вздыхал, поглаживая Бензинину задницу. Когда у Сушкина случались приступы гипертонии, Бензина преданно ухаживала за ним.

И тогда же ее дочь вдруг поняла, что нашла свое призвание.

Однажды руководитель драмкружка Ксаверий Казимирович Зминский – в городке его называли Ксавье – оставил ее после занятий и попросил прочитать стихотворение «Вот бреду я вдоль большой дороги...». Элеонора прочла «с выражением», как читала со сцены «Галину». Ксавье выслушал, кивнул и стал рассказывать о Тютчеве, о юной Елене Денисьевой, которой поэт годился в отцы, об их любви, их болезненных отношениях, растянувшихся на четверть века, об их детях, о ее смерти и его горе...

– Так он при живой жене ей детей делал? – спросила Ленка. – На глазах у всех?

– Да, – сказал Ксавье. – А теперь прочти то же самое еще раз.

Она поняла, что тут какой-то подвох, и стала читать, внимательно наблюдая за выражением лица Ксавье, но оно оставалось невозмутимым. Тогда она после паузы прочла стихи в другой тональности, но и на этот раз учитель промолчал.

После этого Ленка, сбита с толку, испуганная и униженная, пошла в библиотеку, набрала книг Тютчева и о Тютчеве, проглотила их за неделю, но на следующее занятие драмкружка не пошла. Она вдруг поняла, что не в силах прочесть это стихотворение так, чтобы это понравилось Ксавье. Она лежала в своей комнатке, слышала, как Сушкин внизу тихонько наигрывал на баяне что-то тягучее, степное, как мать мыла посуду после ужина, а в соседском дворе выл пес Таракан, думала об этом старике в мундире со звездой, который писал стихи, о его желчном характере, о его любовнице, перебирала в памяти стихи и не заметила, как уснула, а среди ночи вдруг проснулась, села на кровати – голова была ясной, руки почему-то дрожали – и вдруг увидела в окне соседского дома тусклый огонек, и словно вознеслась над этой жизнью, над городком, над спящими и умирающими, с радостью почувствовала себя живой и бессмертной, и услышала какой-то дребезжащий тихий звук – это сумасшедший старик Девушкин брел по ночному городу, толкая перед собой тележку со всяким мусором, который он целыми днями собирал на обочинах, и прочла стихотворение вслух, не слыша себя, но понимая, что – получилось, и понимая также, что самое трудное – не потерять этот тусклый свет, эту безмозглую подростковую радость и этот дребезжащий звук, далеко разносившийся в ночи...

Через неделю она дождалась, когда Ксавье останется один, отвернулась к окну, чтобы не видеть его лица, и стала читать, упиваясь этим светом, тлеющим где-то в глубине, и этим звуком, заунывным и дребезжащим, накатывающим и затихающим, накатывающим и затихающим...

– А ты, оказывается, не такая и дурочка, как я думал, – сказал Ксавье, когда она замолчала. – Теперь надо поработать с дыханием...

Никогда еще она не переживала таких чувств, как в тот вечер. Ей казалось, что она чудом избежала смертельной опасности, и была так счастлива, что не могла сдержать слез. И ей хотелось переживать это чувство снова и снова, невзирая на страх и унижение...

С того дня Ксавье стал заниматься с ней отдельно. Они читали пьесы вслух по ролям, обсуждали характеры и интонации, и после этого Ленке хотелось тотчас сыграть и Федру, и Джульетту, и леди Макбет, и Маргариту Готье, но более или менее убедительной выходили у нее роли помещицы Поповой из чеховского «Медведя» да Софьи из «Горя от ума». К своему огромному удивлению, она обнаруживала в себе бездны упорства и терпения, когда по приказу Ксавье в тридцать какой-то раз декламировала «На холмах Грузии» или монолог Нины Заречной...

– Есть в тебе содержание, есть, – говорил Ксавье. – Из тебя может получиться актриса, если не остановишься... может быть, даже трагическая актриса...

По дороге в школу она бормотала себе под нос: «Тебе открылся мой мучительный позор, И слезы пеленой мне застилают взор...» или: «Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни», и вдруг останавливалась, смотрела на людей, бежавших по своим делам, на серые деревья, стены домов, и прерывисто вздыхала от необыкновенного счастья, которое ее переполняло...

Ксаверия Зминского вдруг посадили по сто двадцать первой статье, за гомосексуализм, и Ленка осталась одна. На нее показывали пальцем, хихикали за спиной, к ним вдруг зачастили соседи – посмотреть на «подружку пидораса», а новый руководитель драмкружка сказал, что ничего путного из Ленки не выйдет, потому что она слишком долго думает...

На выпускной вечер Ленка не пошла, аттестат о среднем образовании получила в школьной канцелярии.

Она попыталась поступить в медучилище, но неудачно.

Вынесла за калитку все книги, которые покупала на обеденные деньги, устроилась продавщицей в магазин москательных товаров, осенью вышла замуж за соседского парня Мишу, только что вернувшегося из армии, добродушного силача и пьяницу, родила сына, у которого оказался кататонический синдром, ребенка сдали в психоневрологический интернат, и через три месяца он умер, по вечерам Ленка в компании мужа, матери и Сушкина смотрела «Рабыню Изауру», пила водку с лимонадом и плакала, Миша набирался до чертиков и начинал бить жену, в драку ввязывались Бензина и Сушкин, потом мирились, пили, плакали и хором пели «Невечернюю»...

Но однажды в субботу, после «Невечерней», Миша вдруг схватил нож, закричал: «Да провались оно все пропадом!» – и перерезал себе горло на глазах у жены, тещи и баяниста, забрызгав всех кровью. Спасти его не удалось.

Неделю Ленка не выходила из своей комнаты, неделю она не могла заснуть. Закрывала глаза и видела разваливающееся горло мужа с потеками крови, жалобное лицо Сушкина и мать, замершую с открытым ртом, в котором сверкал золотом нижний левый клык, – и вскакивала, вся дрожа, задыхаясь...

Утром в воскресенье открыла зачем-то сундук, вытащила случайно уцелевший томик Тютчева, села на стул и просидела у окна до вечера, так и не открыв книгу.

В понедельник взяла на работе расчет, купила билет на автобус до Москвы, выписала из справочника адреса всех столичных театральных училищ, кинула в чемоданчик смену белья, накрашила губы и отправилась на автовокзал. В ожидании автобуса позволила цыганке погадать на руке, отдала ей пятерку, заняла место и заснула, а проснулась уже в Москве, на Щелковском вокзале – только тогда и обнаружила, что цыганка украла у нее все деньги.

Что ж, хоть фамилия осталась – Тавлинская. Элеонора Тавлинская. Не то что Ложкина. Ради этой звучной фамилии, может быть, и вышла за Мишу, подумала она и стиснула зубы. Ей было девятнадцать, когда она приехала в Москву, и у нее не было денег.

Пять копеек, завалявшиеся в кошельке, уже не были деньгами – в марте 1991 года проезд в метро подорожал вдвое.

Она была голодна, и ей хотелось пить. Бродила по автовокзалу, уворачиваясь от дюжих наперсточников, которые убегали от милиции со складными столиками в руках, валя прохожих с ног, высматривала бутылки с остатками пива, но их перехватывали злые старухи в беретах со значком «Гвардия» и в домашних тапках, привязанных к ногам бельевыми веревками, глазела на проститутку, отдыхавших с водкой и сигаретами за заданием вокзала на поваленном заборе, куда все, мужчины и женщины, ходили мочиться, на парней в спортивных костюмах и кепках, выцеливавших недобрым взглядом кого-то в толпе, и, наконец, не выдержала – подошла к старику, продавцу газет, и спросила, не подскажет ли он, где тут можно переночевать.

– У меня, – сказал старик, смерив ее взглядом. – Но будешь стирать белье. И не смеешь смеяться над Лениным!

– А вы не будете смеяться над Элеонорой? – спросила она.

– Договорились, – сказал старик. – Через два часа освобожусь...

И спустя двадцать лет она вспоминала Владимира Ильича – так звали старика – с благодарной нежностью. Прием во все театральные училища закончился, она опоздала, и старик разрешил ей жить у него «сколько надо».

Тем вечером он накормил ее яичницей с колбасой, поделился чекушкой, постелил на диване, сам лег в кухне, а утром отвел в контору метрополитена, где требовались уборщицы.

По ночам Элли – теперь она называла себя только так – мыла полы на станции метро, утром отсыпалась, потом относил старика термос с чаем и бутерброды, иногда вставала за прилавков, пока он отдыхал на пачках газет в тени пыльных деревьев. Готовила еду, стирала белье, заклеивала на зиму окна. Хозяин не брал с нее денег за постой – на сэкономленные Элли удавалось ходить в театр или в кино.

Отец хозяина всю жизнь строил заводы и города – в степях, в тайге и пустынях, во время войны занимался эвакуацией предприятий на восток, после войны снова строил – на этот раз космодромы. Лауреат всех премий, Герой Труда, генерал. В московской квартире почти не бывал – вернулся сюда, когда вышел на пенсию. Пытался писать мемуары, но после двух инфарктов и инсульта дело продвигалось плохо. До самого конца не мог понять, что же происходит в стране, что такое перестройка – революция, кризис или гульба. Склонялся к гульбе: «Умственное пьянство ничуть не лучше обычного. И нельзя, нельзя, чтобы все желания исполнялись, потому что первыми исполняются желания дурные». Год назад умер и был похоронен с воинскими почестями. Дети разменяли квартиру, а спившаяся дочь распродала награды отца.

Владимир Ильич рос в Казахстане и Сибири, воевал, окончил Бауманку, всю жизнь провел на ракетных полигонах, развелся, преподавал в университете, ушел на пенсию. Иногда его навещала старинная приятельница Клавдия Дмитриевна, которая рассказывала, как живут его бывшая жена и дети: сын стал предпринимателем, дочь вышла за военного.

Рассказывая о себе, Владимир Ильич никогда не упоминал ни географических названий, ни имен тех, с кем когда-то работал: сказывалась привычка к секретности, свойственная людям, которые прожили всю жизнь в другой, тайной стране.

Вечерами Владимир Ильич снимал со стены гитару – он был настоящим виртуозом, и Элли многому у него научилась. Иногда же они просто читали – хозяин перечитывал Лема, а Элли открывала Кафку – тогда на уличных книжных прилавках Кафки было не меньше, чем Чейза.

Клавдия Дмитриевна, моложавая дама с перманентом, иногда оставалась на ночь, и по утрам они завтракали вдвоем. Она-то и предложила однажды познакомить Элли со старухой Сухановой, отставной актрисой, которая нуждалась в помощи по дому и за это готова была и платить, и давать уроки актерского мастерства. Похоже, Клавдия Дмитриевна видела в Элли соперницу и хотела избавиться от нее.

Старуха Суханова была крупной, одышливой, с пушистыми белыми бровями. Она играла роль суровой, строгой дамы, хотя на самом деле была больной и беспомощной. Целыми днями она дремала в кресле-качалке с кошкой на коленях, но к вечеру оживлялась. Она не признавала никакого приема пищи в кухне, никакого коньяка в бутылках – Элли подавала еду в столовую и ставила на стол графины с крепкими напитками. Аппетит у старухи был крестьянский – она много ела и пила, становилась веселой и говорливой.

После первой рюмки она рассказывала о великих театрах, о режиссерах и актерах, с которыми ей довелось когда-то работать, после второй – заставляла Элли читать вслух стихи или какой-нибудь монолог и объясняла, как на самом деле должна звучать сценическая речь, после третьей вспоминала многочисленных своих любовников – наркомов и маршалов, оперных певцов и спортсменов, цирковых фокусников и журналистов...

– А вот со Сталиным мы так и не стали по-настоящему близки, – говорила она. – Все ограничилось бездушным минетом...

Элли не знала, верить ли старухе, которая всю жизнь была замужем за одним мужчиной, известным в далекие времена театральным критиком. После четвертой рюмки Ольга Ивановна всегда плакала, глядя на портрет своего Клавочки, Клавдия Ивановича Дмитриевского. Выпив пятую, говорила, что обязана ему всем: Клавочка научил ее понимать Чехова, носить драгоценности и готовить томленную утку по-аквитански.

– Мне так хотелось сыграть леди Макбет, – говорила она, – но Клавочка сказал, что это не мое. Ма шер, говорил он мне, это пессимизм, скептицизм и нигилизм продаются на каждом углу, а трагизм надо выстрадать. А ты, говорил он, ты, ма шер, была счастлива и при Ленине, и при Сталине, и при Хрущеве, а Брежнев так и вовсе осыпал тебя наградами. Ты была самой счастливой и самой беспечной дамой русского театра. И он прав... так я и не сыграла ни Федру, ни леди Макбет, ни даже Маргариту Готье... Он считал, что существуют лишь три пьесы, которых достаточно любому театру, чтобы быть театром, – это «Царь Эдип» Софокла, пьеса о человеке и Боге, это «Макбет», пьеса о человеке без Бога, и, наконец, «Дама с камелиями»...

Она с жадностью слушала рассказы Элли о жизни в маленьком городке, о занятиях с Ксавье, о замужестве, смерти ребенка и самоубийстве мужа, задавая при этом множество вопросов, выпытывая детали, расспрашивая о том, что та чувствовала и думала.

– Что значит – не помню? – возмущалась Ольга Ивановна. – Судьба подарила тебе столько переживаний, а ты не помнишь, что при этом чувствовала и думала? Так придумай! А лучше – вернись назад и попробуй разобраться в своих мыслях и чувствах. Все это тебе пригодится, если ты мечтаешь о карьере актрисы. Иногда достаточно вспомнить, как в детстве тебе хотелось отлупить дурочек, которые смеялись над твоими кривыми ногами, чтобы сыграть настоящую леди Макбет!..

Годы спустя Элли убедилась в правоте старухи Сухановой, хранившей в своей памяти все детали, все цвета и вкусы жизни.

В июне Ольге Ивановне исполнилось девяносто, и это событие с размахом отпраздновала вся театральная Москва. На торжественном обеде в ресторане старуха попросила своего бывшего ученика обратить внимание на ее «компаньонку», и в сентябре Элли приступила к занятиям в знаменитом театральном училище.

Она была благодарна Владимиру Ильичу за то, что приютил ее и научил играть на гитаре, она была благодарна этой крашеной сучке Клавдии, подозревавшей Элли в любов-

ной связи со стариком, благодарна за то, что та познакомила ее с Ольгой Ивановной Сухановой, и старухе она была, конечно же, благодарна за сытую жизнь, за коньяк, за уроки актерского мастерства, за то, что научила ее память, ее ум и чувства работать безостановочно, на пределе, благодарна за семена, из которых выросли ее Нина Заречная и леди Макбет, ее Маргарита Готье, ее Федра и даже ее тупые стервы из проходных спектаклей и сериалов...

Она была благодарна Лизе Феникс, которая нашла ей жилье и работу, когда старуха Суханова умерла и квартиру пришлось покинуть.

Лизу хорошо знали в общежитии театрального училища, где она подбирала девушек для своего стрип-клуба, одного из первых в Москве. Выбирала, разумеется, тех, кто пофактурнее, с грудью, ляжками и задницей. Посмотрев, как Элли работает у шеста, сказала:

– Ни сиськи, ни письки и жопа с кулачок. Но что-то в тебе есть. Можешь сделать то же самое, но раз в сто быстрее?

Элли попробовала – у нее чуть подошвы не задымились.

Рабочие сцены, осветители, музыканты, официанты – все засмеялись, зааплодировали.

Через месяц в стрип-клуб «Феникс» стояла очередь из желающих посмотреть на Бешеную Элли, которая выделялась на сцене что-то невероятное.

Она не обращала внимания на вывихи, ушибы и растяжения – работала как проклятая, и трусы ее после выступления были набиты чаевыми.

Иногда она работала в паре с Молли, которая издали была похожа на нее как сестра-близняшка, но формы имела более впечатляющие. Фокус заключался в том, что двигались они в разном темпе, доводя зрителей до головокружения.

Лиза Феникс берегла свою звезду, щедро платила, ставила ее только на пятничные и субботние выступления, делала массаж, обдавая жаром своего огромного мускулистого тела, поселила у себя, кормила деликатесами, покупала ей французское мыло и ласкала с такой неистовостью, какой Элли никогда не встречала у мужчин. А главное – не донимала ревностью, если Элли после выступления уезжала с каким-нибудь мужчиной.

Мужчин было много, их становилось все больше.

Среди них были и те, кто предлагал руку и сердце.

Когда одному из них она отказала, он отхлебнул виски из красивого стакана и, указав сигарой на дверь, сказал, не повышая голоса, чуть шепелявя:

– Тогда пошла вон. Сейчас, немедленно.

Ей рассказывали, что он был из тех, кому перечить опасно. Смертельно опасно. Вот так же, не повышая голоса и чуть шепелявя, со стаканом виски в руке и сигарой в зубах, он приказал однажды выкрасть четырнадцатилетнюю дочь конкурента, изнасиловать и приковать цепью в шахте, где девчонка три недели покрывалась язвами и исходила поносом, пока не умерла, а когда ему доложили об этом, только пожал плечами.

Скорее всего, это было вранье, но правда была не лучше.

Элли молча оделась и ушла.

В легкой куртке, мини-юбке, на шпильках она прошла семь километров по январскому морозу, пока не поймала такси. Была ночь, таксист запросил «два счетчика», она согласилась, но когда пришло время расплачиваться, вдруг обнаружила, что денег в кошельке кот наплакал. Миллиардер ей не заплатил – ведь он вез к себе на дачу возлюбленную, будущую жену, а не проститутку.

Она отдала водителю все, что у нее было в кошельке.

– Ладно, – со вздохом сказал таксист, расстегивая брюки, – придется тебе поработать, подруга.

И этому таксисту она была благодарна за то, что не избил, а предложил честно поработать, и она честно поработала, хотя и не стала рассказывать об этом Лизе Феникс.

Она была бесконечно благодарна Лизе Феникс за то, что та познакомила ее с Донатасом Таркасом, Доном Тарком, как называли его в театральных кругах. Лиза подвела Элли к высокому мужчине, сидевшему за большим столом в окружении красивых мальчиков, Элли и Дон выпили за знакомство, он стал рассказывать о «Макбете», которого когда-то показал на Эдинбургском фестивале: двадцать пять голых актеров с ножами и дубинами в руках, сбившись в тесную толпу, пятнадцать минут молча били и резали друг дружку, а в финале из горы трупов выбирался Малькольм, весь окровавленный, и говорил: «Мы времени чрезмерно не потратим на то, чтобы со всеми рассчитаться за их любовь...»

– Мне казалось, – сказал Дон, – что я поставил вполне адекватный спектакль. Скажу без ложной скромности, я тогда был молод и невероятно глуп...

К тому времени Элли снялась в шести фильмах, сыграла в нескольких спектаклях, получила премию за главную роль в «Шиксе», купила квартиру на Чистых Прудах, вышла замуж, родила дочь, похоронила мужа, стала владелицей дома в Агуреево и довольно известной актрисой, но по-прежнему время от времени танцевала в «Фениксе», уступая просьбам Лизы и Молли. Она оставила фамилию мужа, и на афишах теперь ее представляли как Нору Крамер.

– Нора, – сказал Дон. – Нора Крамер. С таким именем Клитемнестру играть, а не в стрип-клубе отплясывать... хотя отплясываешь ты, конечно, дивно...

Дон только что получил «Золотую маску» за «Царя Эдипа», его постановки «Дома Бернарды Альбы», «Иванова» и «Реквиема по монахине» стали выдающимися событиями в русском театре, а на читках «Котлована» в его Лаборатории люди стояли у стен и сидели в проходах. В Москве и Питере его называли человеком театральной национальности и знали как веселого раздолбая, пьяницу и бабника, хотя некоторые утверждали, что он бисексуал. Но всем также было известно, что как только на Дона накатывало, он становился «несносным придурком» – мрачным, неразговорчивым и раздражительным. У него не было проходных постановок, и даже провалы его были интересными, как в случае с «Гамлетом». Спектакли его рождались долго, с трудом, иногда со скандалами. Критики упрекали его в том, что он подбирает исполнителей только «по любви», подчас не обращая внимания на их профессиональные качества.

После встречи в «Фениксе» Дон и Нора стали жить вместе. Пока она пропадала на репетициях, он целыми днями бродил по городу, курил, дремал на скамейке в парке, потягивая из фляжки, перечитывал «Герцогиню Мальфи» и «Белого дьявола», а вечерами, если у Норы не было спектаклей, они устраивались на диване в гостиной и смотрели фильмы с Марией Казарес, Изабель Юппер, Анной Маньяни и Тильдой Суинтон.

Нора понимала, что и кровавый Уэбстер, и Мария Казарес выбраны не случайно, и когда Дон сказал наконец, что подумывает о постановке *настоящего* «Макбета», все встало на свои места: он искал леди Макбет. Ему нужна была не «крепкая жопа» вроде Жанетт Нолан, замечательная находка Орсона Уэллса, а «узкая сука».

– Боюсь я этого вашего Макбета, – сказал он, – и бабы его боюсь с ее немытыми руками, и всех этих дурацких пузырей земли, всего этого безвкусного нагромождения ужасов, убийств, призраков, всех этих одномерных людей, одержимых смертью...

– И не оглядывающихся даже на Бога, – подхватила Нора. – Живущих в мире, где Бога нет.

– Слово «бог», невзначай вылетевшее из твоего лядского ротика, – сказал Дон, – даже меня заставляет краснеть...

Поперхнувшись вином, разъяренная, рычащая, голая, с распущенными волосами, она отшвырнула бокал и погналась за ним с бейсбольной битой – Дон едва успел юркнуть за дверь.

Это был первый их разговор о будущей постановке.

В те дни Нора завела тетрадь, в которой эскизно записывала их разговоры о «Макбете»: «Убийство – единственная тема трагедии... Атмосфера: готовность к убийству и ожидание смерти, ничего больше... Я – человек, ergo, я убиваю... Все живут здесь и сейчас, не задумываясь об оправдании, не оглядываясь ни на людей, ни на Бога... ни совести, ни чувства вины, ни любви, ни сострадания – ничего того, что сегодня считается человеческим...

У леди М. был ребенок или дети (акт I, сцена 7), она потеряла мужа и детей, у нее ничего не осталось, кроме жажды власти, желания восстановить если не гармонию, то хотя бы баланс, компенсировать властью потерю мужа и детей, в ее представлении это, видимо, и есть справедливость...

Макбет – орудие для достижения ее целей, но он же – единственный характер в развитии, единственный, кто колеблется и надеется... впрочем, его надежда на *endlosung*, на «решающее убийство», после которого наступят мир и благоденствие, не только ужасна, но и смехотворна...

Слепящий свет безумия, спасающий леди Макбет от этой жизни, единственный про-свет в этой тьме...

Лишенная любви человеческой, леди Макбет полностью захвачена, одержима *высокой любовью к злу...*

День за днем они читали пьесу, обсуждая каждый поворот сюжета, каждую реплику, каждый вздох персонажей: ведьмы – пузыри земли... убийство Дункана, подброшенный кинжал, лица, вызолоченные кровью... убийство Банко и снова ведьмы, вызывающие духов... убийство жены и троих сыновей Макдуфа... леди Макбет, моющая руки... Бирнамский лес и Дунсинанский холм... «завтра, завтра, завтра»...

Поначалу, когда заходила речь об этой постановке, Дон говорил «я», но уже через два месяца в его речи все чаще стали возникать «мы»: «Мы ставим спектакль... мы должны понимать... мы не можем себе позволить...» Вскоре уже не мог видеть в этой роли никого, кроме Норы.

– Если сыграешь ее так же, как трахаешься, – сказал он как-то, – мы сделаем шедевр. Я не шучу: это ведь самая эротическая пьеса Шекспира, она вся пропитана вожделением, похотью... это такая кровавая «Камасутра», если угодно...

Он хотел выстроить актерский ансамбль вокруг леди Макбет, единственной активной женщины на сцене, и безжалостно гонял Нору, не давая ей спуска. Иногда он заставлял ее молчать в тех эпизодах, где по сюжету она должна была говорить, побуждая сыграть все смыслы эпизода лицом и телом, и это доводило Нору до дрожи и головной боли. Однажды она не выдержала, заперлась в туалете и разрыдалась. А потом вымыла руки, пытаясь делать это как леди Макбет, смывающая с рук кровь. Она сто раз пыталась смыть кровь с рук, проклиная Шекспира, Дона и леди Макбет. Вставала среди ночи и мыла руки. Однажды в общественном туалете напугала женщин: она смотрела, как они моют руки, и истерически хохотала. Это случилось в ресторане, где они с Доном отмечали первую годовщину совместной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.